М. Б. МИРСКИЙ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Историю медицины и сейчас еще нередко представляют как старомодную, описательную дисциплину, некий реликт давно прошедших времен. Считают, что круг ее интересов достаточно традиционен, ибо она должна заниматься такими “вечными”, но отнюдь не самыми актуальными – с точки зрения науки – вопросами, как жизнеописания гениев, иерархия приоритетов, раздача лавровых венков, коллекционирование памятных и юбилейных дат...

Полагаю, что подобные представления уже давно не соответствуют действительности. Устарело и определение, которое сравнительно недавно (1980) дала Большая медицинская энциклопедия: *“История медицины – научная дисциплина, изучающая развитие медицины на всех этапах – от возникновения в форме первобытной народной медицины и до современного состояния”*. Эта формулировка в полной мере уже не отвечает представлениям сегодняшнего дня.

Современная история медицины, как и история других наук, является частью (и даже фундаментом) науковедения: она призвана изучать прошлое и настоящее и предвидеть будущее медицинской науки и практики. Думается, гораздо более рациональным было бы ее определить как дисциплину, изучающую развитие врачевания и медицинских знаний, медицинской науки и практики. Являясь частью науковедения, она призвана исследовать эволюцию медицины – от прошлого к настоящему, от современности к будущему, так как ретроспекция, интроспекция, проспекция науки – это звенья одной цепи исторического прогресса. Ясно, что историко-медицинские исследования – и фундаментальные, и прикладные – должны отвечать запросам жизни, требованиям нашего динамичного времени.

Начало истории медицины как науки в России относится к концу XVIII – первой половине XIX века (Ф. Г. Политковский, 1784; И. П. Воинов, 1805; В. Я. Джунковский, 1811, и др.). Позднее появились капитальные исследования В. М. Рихтера (История медицины в России, 1814–1820), Я. А. Чистовича (История первых медицинских школ в России, 1883, и др.),

С. Г. Ковнера (История древней медицины, 1888, и др.), Л. Ф. Змеева (Былое врачебной России, 1890, и др.).

XX век – время подлинного расцвета истории медицины в нашей стране (как, впрочем, и в большинстве других стран). Именно в XX столетии опубликованы труды Н. Я. Новомбергского (1902–1909), М. Ю. Лахтина (1901–1912), а в 20–30 годы и позднее – работы Л. Я. Скороходова и И. Д. Страшуна, Б. Д. Петрова и М. П. Мультиановского, П. Е. Заблудовского и М. И. Барсукова, А. Г. Лушников и Н. А. Богоявленского, других ученых.

Правда, нельзя не отметить, что большинство этих трудов советского периода, по понятным причинам, было выдержано в русле “официальной” политики, с учетом существовавших идеологических стереотипов; в той или иной мере они содержали конъюнктурные оценки как близких к нам, так и отдаленных событий, поэтому целый ряд заключавшихся в них конкретных выводов сейчас нельзя признать достоверными (хотя они и отражают в какой-то степени историческую реальность). Однако это не умаляет значения всех этих работ: они и поныне остаются нашей историко-медицинской классикой.

Характерно, что ценные историко-медицинские труды писали крупные ученые – специалисты различных отраслей медицины, посвящая их, как правило, истории своей науки. Начало этому было положено еще в XIX веке (патолог В. В. Пашутин, хирург П. П. Заблочкин-Десятовский, терапевты Ф. К. Уден и Э. Э. Эйхвальд, акушер-гинеколог В. М. Флоринский).

Важный вклад в историко-медицинскую науку внесли советские ученые-медики хирурги В. А. Оппель (История русской хирургии, 1923) и Ю. Ю. Джанелидзе (Свободная пересадка кожи в России и Советском Союзе, 1945), терапевт Д. Д. Плетнев (Русские терапевтические школы, 1923), психиатры Ю. В. Каннабих (История психиатрии, 1929) и Т. И. Юдин (Очерки истории отечественной психиатрии, 1951), микробиолог Н. Ф. Гамалея (История оспы, 1913), педиатр Г. Н. Сперанский (Московские педиатрические школы, 1949), анатом В. Н. Терновский (Андрей Везалий, 1965, и др.), а также физиологи Х. С. Коштойац и Г. И. Косицкий, терапевты А. Г. Гукасян и М. Д. Тушинский, хирурги С. С. Юдин и В. И. Разумовский, В. И. Колесов и В. В. Кованов, гигиенист С. А. Томилин, микробиолог Х. Х. Плanelьес, эпидемиолог О. В. Бароян, анатом В. В. Куприянов, патолог Д. С. Саркисов и многие другие.

Все это, в сущности, чрезвычайно логично. Нет нужды доказывать, что основное предназначение ученого, его, так сказать, социальная миссия – порождать новое: новые идеи, новые мысли, новые решения. Естественно, он обязан хорошо знать историю науки, хотя бы для того, чтобы не “переоткрывать” уже известного, не повторять ошибки и заблуждения

своих предшественников, не изобретать “вечный двигатель”. Поэтому-то каждое научное исследование обычно начинается с “истории вопроса”, с исторической справки: здесь каждый ученый выступает, по сути дела, как историк науки, т.е. воссоздает прошлое (в соответствии со своей эрудицией – глубоко или поверхностно), интерпретирует его, сообразуясь с поставленной целью (ищет поддержку своим планам).

А к чему, кстати, ведет некомпетентность исследователя в истории науки? Очень часто к тому, что давно пройденный этап объявляется современным, а старые, отжившие представления преподносятся как откровение (например, т. наз. “открытия” Лысенко, Лепешинской, Бошняна в сравнительно недавнем прошлом).

Знание истории науки, истории медицины, имея в виду ее науковедческие аспекты, еще более важно для решения таких прагматичных задач, как, например, прогнозирование развития отдельных отраслей медицины или здравоохранения.

Уместно напомнить, что преподавание истории медицины в нашей стране началось еще в конце XVIII века. А в конце XIX века появились в университетах историко-медицинские кафедры (кафедры истории и энциклопедии медицины). В начале 30-х годов XX столетия в медицинских вузах были созданы самостоятельные курсы и кафедры истории медицины, где, наряду с преподаванием, велась и научно-исследовательская работа.

Первое научно-исследовательское учреждение по истории медицины обязано своим появлением на свет Академии медицинских наук. В 1944 году при организации АМН в ее составе был создан специальный научно-исследовательский институт, который затем несколько десятилетий назывался “Институт организации здравоохранения медицины имени Н. А. Семашко” (ныне НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением имени Н. А. Семашко). Одним из структурных подразделений института стал Отдел истории медицины: в 1944–1949 гг. его возглавлял И. Д. Страшун, а с 1949 г. до 1988 г., почти в течение 40 лет, Б. Д. Петров.

Отдел все это время был фактически головным научно-исследовательским учреждением по нашей специальности в стране. На базе отдела постоянно работали (и продолжают работать и сейчас) Проблемная комиссия по истории медицины и здравоохранения (она входит в Межведомственный научный совет по социальной гигиене) и Московское научное общество историков медицины.

Исследования по истории медицины проводились также на кафедрах вузов и в медицинских музеях, в лаборатории историко-медицинских исследований при редакции Большой медицинской энциклопедии и пр.

В 1986 году в Москве был создан Центральный музей медицины (ныне НИЦ “Медицинский музей”); позднее в его составе был образован Институт истории медицины.

Еще в сравнительно недавние времена историко-медицинские исследования в нашей стране (в особенности по истории советской медицины и здравоохранения) в целом ряде позиций ориентировались на интерпретацию положений, содержавших строго выверенные идеологические установки, которым придавалось директивное значение.

В результате достаточно сложный и во многом неординарный процесс развития советской медицины выглядел как непрерывный, без сучка и задоринки, марш от победы к победе, от одного достижения к другому, третьему, пятому, десятому. Бесспорно, это противоречило исторической истине, поскольку скрывались (или обходились умолчанием) неудачи, поражения, различные негативные моменты – такие, например, как та же псевдонаука Лепешинской и Бошняна или административный диктат после проведения известной павловской сессии.

Хочу напомнить, что псевдонаука присутствовала, к сожалению, и в некоторых историко-медицинских работах, относящихся к 40–50 годам. Именно тогда возник, например, вымысел о якобы “приоритете” А. Г. Полотебнова и В. А. Манассеина в открытии пенициллина. Политическая конъюнктура тех лет родила и некоторые другие “дутые приоритеты”, безосновательные разоблачения, примитивные придумки. В то же время предпринимавшиеся изредка попытки снять хрестоматийный глянец со страниц истории отечественной медицины кончались, по сути дела, ничем. Это, впрочем, и неудивительно, потому что доказательность не считалась главным в историко-медицинских исследованиях: главным было соответствие общепринятым идеологическим установкам.

В последние годы ситуация кардинально изменилась: устаревшие подходы, привычные схемы, сложившиеся стереотипы – все это обречено на полное забвение и должно уйти безвозвратно. Мы должны осознать простую истину: история медицины – это не только летопись побед, но и анализ поражений, заблуждений, ошибок, всего того, что неизбежно сопровождает научное творчество и медицинскую практику.

Перманентный прогресс научных знаний, в том числе в области истории науки, истории медицины, введение в оборот новых, ранее неизвестных исследователям исторических фактов, наконец, свободный от идеологических постулатов, подлинно объективный анализ развития науки – все это вызывает необходимость более четкой расстановки акцентов, нового, более глубокого осмысления тех или иных событий, роли наших предшественников – ученых и врачей – в прогрессе (или регрессе) медицины.

Одна из главных задач современной истории медицины – осмыслить прошлое отечественной медицины, истолковать ее огромный опыт, определить направления и пути ее развития. Для этого необходимо дать в своих исследованиях достоверную, объективную картину прошлого, основанную на критическом анализе исторических фактов, теорий и практических дел, ошибок и заблуждений и пр. Выполняя социальный заказ времени, мы должны – и стремимся – поставить на службу современности богатый исторический опыт отечественной медицины и здравоохранения.

Отдел истории медицины и здравоохранения Института имени Н. А. Семашко, в соответствии с таким заказом, в последние годы сосредоточил внимание на исследовании историко-медицинских проблем, наиболее актуальных для сегодняшнего дня. Нет сомнения, что одной из таких проблем является страховая медицина и медицинское страхование, существовавшие в России и СССР в 1912–1933 гг.

Институт имени Семашко и его Отдел истории медицины и здравоохранения еще в конце 80-х годов первыми в стране занялись изучением отечественной страховой медицины. В институте было проведено три симпозиума по истории страховой медицины (1989; 1992; 1995), в которых, помимо ученых и врачей из различных регионов России, участвовали представители Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Казахстана.

В результате проведенного нами детального изучения впервые введенных, по существу, в научный оборот многочисленных источников, в т. ч. архивных документов, воспоминаний, свидетельств современников и др., удалось исследовать отечественный опыт медицинского страхования, практически забытый в нашей стране, и установить, что этот опыт должен быть поставлен на службу современному здравоохранению России.

Материалы и конкретные выводы нашего исследования, опубликованные в монографии под редакцией О. П. Щепина *“Больничные и страховые кассы (отечественный опыт медицинского страхования)”*, изданной в Москве в 1997 году, в диссертациях и в более чем 20 других публикациях, были с интересом встречены Минздравом Российской Федерации (хотя там повышенное внимание проявлялось к практике зарубежных стран – Германии, Швеции, Франции, где многие десятилетия успешно действует система страховой медицины).

В Минздраве РФ особое внимание вызвала т. наз. бюджетно-страховая модель здравоохранения и вопросы его финансирования в 20-е годы (реалии нашего времени таковы, что мы просто обязаны изучать такие, на первый взгляд, “скучные”, но на самом деле очень важные проблемы как финансирование здравоохранения в 20-е годы). Что касается действующего в современной России Федерального Фонда обязательного

медицинского страхования, то его в нашем исследовании особенно заинтересовала деятельность больничных и страховых касс.

В сложившейся сейчас ситуации, связанной с серьезным кризисом в здравоохранении, обращение к историческому опыту отечественной медицины представляется важным и весьма поучительным. Мы полагаем, что нуждам сегодняшнего дня отвечают и проводимые нами исследования по истории земской медицины – этого национального достояния России, оригинальной, не имевшей аналогов в мире системы организации медицинской помощи: в нашей стране она действовала более полувека – с 1864 года по 1918 год.

По инициативе Отдела истории медицины и здравоохранения в Институте имени Н.А.Семашко прошли три международных симпозиума по истории земской медицины (1991; 1996; 1998): все они проходили под девизом “Земская медицина и современное здравоохранение”.

Все эти симпозиумы проходили с международным участием (страны СНГ, а также Литва, Латвия, Болгария) и привлекли внимание медицинской общественности, руководителей здравоохранения.

Наши исследования по истории земской медицины продолжаются, по их результатам опубликовано уже более 50 работ. В этих исследованиях мы стремимся дать собственную интерпретацию событий, свой анализ происходившего, отобрать и ввести в научный оборот все то ценное, что накопила земская медицина за более чем полувековое существование.

Результаты историко-медицинского анализа уже сейчас дают основание утверждать, что главные ценности земской медицины (общедоступность и бесплатность медицинской помощи, профилактическая направленность, участковый принцип, опора на самодеятельность населения), которые преемственно восприняло и развивало советское здравоохранение, не могут быть утеряны. Опыт земской медицины должен быть востребован современностью, прежде всего – муниципальной системой здравоохранения, которая, согласно Конституции РФ (ст. 41), узаконена в России наряду с государственной и частной системами здравоохранения.

Актуальной задачей остается проводимое нами изучение медицины России в XVI–XVIII веках, когда происходило ее становление на научных основах. Процесс развития медицины уже тогда во многом диктовался социальной практикой, потребностями общества. Это наглядно показывает исторический анализ.

Именно тогда, по нашим исследованиям, был заложен фундамент наиболее прогрессивной, государственной организации медицинского дела и медицинской науки. Государственный характер – отличительная черта российской медицины на протяжении четырех столетий.

Историко-медицинская наука, как и любая другая наука, не может стоять на месте: она призвана непрестанно развиваться и обновляться. Ее не может, не должен обойти происходящий в наше время и отнюдь еще не завершившийся процесс ломки казавшихся незыблемыми исторических представлений. Нам необходимо избавиться от конъюнктурных подходов, идеологических стереотипов, непреложных догм. Таковыми, по нашему мнению, являются, например, якобы негативная роль иноземных врачей в российской медицине или старательно обходившийся вопрос о месте православной церкви (а в дальнейшем и других конфессий) в охране здоровья народа.

В общем, предстоит воссоздать подлинную, не приукрашенную мнимыми достижениями историю отечественной медицины.

Говоря об “отечественной медицине”, следует напомнить следующее. Ученые каждой страны вносят, разумеется, вклад, больший или меньший, в общее дело, в развитие медицины. Однако в каждой стране историки медицины особый акцент делают обычно на результатах деятельности своих ученых и врачей. Это естественно и оправданно, хотя должно, пожалуй, иметь разумные границы.

В то же время, говоря об “отечественной медицине”, мы совсем не имеем в виду какую-то обособленную, чисто российскую медицину. Мы исходим из постулата, который можно сформулировать так: отечественная наука – составная часть общеевропейской и общемировой.

Неделимость мира, взаимозависимость народов и государств, как и их культуры, науки, образования и т.п., теперь уже всеми осознана и общепризнана.

Понятно, что наша медицина – это неотъемлемая часть науки всего мира, поскольку научная мысль – не сумма, а синтез достижений ученых различных стран. Задача воссоздания подлинной истории медицины относится прежде всего к советскому периоду нашей истории. Но не только этим годам, а и к XVIII веку, и к XIX веку, да и к более ранним периодам истории.

Проводя исследовательский поиск, изучая “заново” хорошо, казалось бы, изученное и много описанное, нельзя, однако, забывать, что сейчас, в условиях, когда ломается устоявшаяся парадигма и на смену приходят новые представления, существует опасность стать – вольно или невольно – апологетом так называемого “переоценочного подхода”, когда плюс меняется на минус, то, что раньше считалось положительным, оценивается отрицательно, и наоборот.

Поступать так – значит продолжать, по сути дела, ту же самую конъюнктурную линию в историко-медицинских исследованиях.

История учит современность: это аксиома, к истории медицины она относится в полной мере. Но чтобы использовать историко-медицинское знание как некое “учебное пособие” для дня сегодняшнего, надо знать действительную, не приукрашенную и не “подправленную” историю, понимать непростой ход событий, знать не только о достижениях, но и об ошибках и заблуждениях, о том, как и почему происходили те или иные события, отчетливо представлять, какова была логика развития медицинской науки и практики.

Среди важных задач историков медицины нашей страны следует назвать изучение российского медицинского зарубежья. Предпринятое нами (впервые в стране) исследование позволило выяснить, что ключевыми фигурами там были микробиолог С. Н. Виноградский, физиолог В. Н. Бабкин, хирург И. П. Алексинский, психиатр В. А. Трошин, другие ученые и врачи, трудившиеся в Чехословакии, Франции, Болгарии, Югославии и ряде других стран. Их ранее неизвестный вклад в отечественную медицину не подлежит сомнению.

Поучительны результаты проводимого в нашем отделе изучения эволюции в России отдельных медицинских дисциплин (хирургия, акушерство и гинекология), что позволяет по-новому оценить их историю, выявить тенденции и закономерности их развития, проанализировать, а порой и пересмотреть их вклад в мировую науку.

Мы стремимся показать и объективную обусловленность развития научных проблем, и специфику их в России, и роль личностного фактора — ученых, возглавлявших и направлявших научные исследования.

Думается, что подобный подход, связанный с познанием логики развития медицины, направлений и путей ее поступательного прогресса, окажется полезным при решении проблем ретроспекции, интроспекции и проспекции науки. Впрочем, результаты этих исследований, охватывающих (хронологически или проблемно) историю отдельных медицинских дисциплин, можно рассматривать и как своеобразные рабочие гипотезы, как некий подготовительный материал к обобщающим трудам по истории медицины.

Разумеется, не теряют актуальности и работы по истории научных школ в медицине, по изучению медицины, которая сейчас интенсивно развивается во многих странах. Постоянным остается наш интерес к медицине и здравоохранению периода Великой Отечественной войны.

Наконец, нельзя не сказать еще об одном. Подходит к концу XX век — самый, так сказать, интеллектуальный, и в то же время самый кровавый, в истории человечества. Мировая наука уже, по существу, подводит итоги XX века (и даже II тысячелетия), определяет важнейшие достижения, пытается наметить пути направления научных исследований в XXI веке.

Эта задача стоит и перед медициной – ею призвана заниматься наша дисциплина, история медицины; это еще один социальный заказ современности, над которым мы тоже работаем.

Бесспорно, каждое поколение по-своему представляет историю прошедшего времени. Каждая эпоха заново и в соответствии со своими представлениями и задачами осмысливает исторические факты – и давно известные, и те, что лишь недавно стали достоянием гласности. Современность не может жить без истории и всегда старается поставить ее на службу себе.

К сожалению, в последние годы в России интерес к научным исследованиям по истории медицины снизился, мало появляется научных трудов и историко-медицинских работ, в особенности обобщающих исследований, выдвигающих новые концепции, новые подходы, новые выводы из исторического опыта.

Серьезно беспокоит и то, что значительно уменьшился – порой до критического уровня – круг исследователей истории медицины и здравоохранения.

И все-таки хочется думать, что нашей дисциплине не грозит даже временный духовный застой. Может быть, сейчас в нашей стране, поставленной, в силу известных причин, в экстремальные условия, наряду с процессом первоначального накопления капитала идет и накопление творческого потенциала – в науке вообще, в медицине и истории медицины в частности.

А затем, в начале XXI века, произойдет, так сказать, “выброс”, своеобразный творческий разряд, что существенно обогатит нашу науку и, конечно же, с лихвой компенсирует, недоимки сегодняшнего дня.

В истории медицины мы видим не просто склад фактов, событий, имен, а прежде всего то, что подлежит научному анализу, осмыслению, пониманию и объяснению.

Важно не только увидеть, но и распознать внутреннюю суть и связь процессов и явлений, понять движущие и управляющие ими механизмы, выявить закономерности и тенденции их развития, получить основания для прогностического анализа. Вот каковы требования нашей науки. И, я уверен, такую – современную – историю медицины никто и никогда не сможет назвать старомодной и описательной.

Обращение к прошлому медицины, анализ ее настоящего, прогнозирование ее будущего – все это диктуется общественной потребностью и определяет выдвигаемые современностью задачи историко-медицинской науки.

Russia's History of Medicine and Our Days (Summary)

By Mark B. Mirsky

The author reviews Russia's History of Medicine from the perspective of time. Investigations in the history of medicine were begun towards the end of the 18th century and beginning of the 19th century. During the 19th century important medical research was begun. The 20th century is characterized by flourishing of the science of history of medicine. Works on the history of medicine were written by famous scientist's – specialists in various fields of medicine – surgeons, physicians, psychiatrists, microbiologists, pediatricians, pathologist's etc. The author also mentions the largest medical establishments, which specifically investigate problems of history of medicine. In the 90-ies of the 20th century serious research has been done on insurance medicine as well as medical developments in country regions "Zemstvo" – electing district councils. A pressing problem is also the research of Russian medical emigrants.

Марк Борисович Мирский, профессор

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением
имени Н.А.Семашко РАМН, Москва, Россия